

Е.Ю. Иванова, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург)

КОНСТРУКЦИИ С СУБЪЕКТНЫМ ДЕПИКТИВОМ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ И РУССКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются болгарские конструкции с субъектным депиктивом, выраженным причастными формами, и их русские параллели. Описываются отличительные признаки субъектных депиктивов, их особенности в болгарском языке, где, в связи с утратой или ограничением некоторых моделей вторичной предикатии, причастия составляют наиболее активный морфологический тип депиктивов.

На выборке из параллельного подкорпуса НКРЯ показан набор конструкций русского языка со значением актуального состояния, которые выступают функциональными соответствиями болгарских субъектных депиктивов. Устанавливаются возможные семантические конфигурации аспектуальных классов основного и вторичного предиката.

Ключевые слова: вторичная предикатия, депиктивы, малые клаузы, аспектуальные классы глаголов.

1. Депиктив (*depictive, depictive secondary predicate*) понимается как разновидность вторичной предикатии, при которой второстепенный предикативный признак, выраженный именным компонентом, обозначает фоновую ситуацию, происходящую внутри временных рамок действия основной ситуации (он вернулся озабоченный, ушел довольный, пирог подают холодным). Дифференциальными признаками депиктивов, отличающими их от близких синтаксических конструкций, являются, прежде всего, следующие [Schultze-Berndt, Himmelmann 2004: 77-78], см. также [Himmelmann, Schultze-Berndt 2005; van der Auwera, Malchukov 2005; Невская 2015; Невская 2019 и др.]:

а) именной компонент во вторичной предикатии формально и семантически связан с одним из участников ситуации в главной предикатии (субъектом или прямым объектом), но не образует со своим контролером единой составляющей;

б) депиктив не является комплементом основного предиката;

в) депиктив не образует с основным предикатом сложное предложение или составное сказуемое;

г) депиктив принадлежит к той же просодической единице, что и основной предикат, и входит вместе с ним в ассертивную часть высказывания;

д) депиктив разделяет с основным предикатом его темпоральные и модальные характеристики и находится в сфере действия глагольного отрицания.

Это узкое понимание депиктивов исключает из их числа, в частности, конструкции типа *Я видел его пьяным*, в которых малая клауза является комплементом предиката восприятия. Хотя такие употребления часто

рассматриваются как конструкции с депиктивами [Кузнецова, Рахилина 2014] и действительно имеют ряд значимых общих с ними черт, синтаксическая структура моделей с комплементами иная. В случае депиктивных употреблений ситуация, обозначаемая атрибутивной формой, не входит в актантную структуру основного глагола, в то время как при комплементативном употреблении всё положение дел, обозначенное вторичной предикацией, является актантом предиката и предстает как объект восприятия [Сай 2016: 375-376], т.е. *Я видел [sc его пьяным]*. С точки зрения формального синтаксиса, конструкции с предикатами восприятия, принимающие малую клаузу в качестве комплемента, анализируются как конструкции с подъемом [Лютикова 2022: 66].

В фокусе внимания в данной работе находится субъектный депиктив, – депиктив, соотнесенный с подлежащим (в том числе подразумеваемым) основной предикации. Субъектный депиктив в болгарском языке может быть выражен прилагательным, причастием, существительным или предложной группой [Коева 2001: 62-63].

Типичным для депиктива является значение временного (актуального) состояния субъекта, поэтому более всего приспособлены к депиктивному употреблению предикаты «стадиального» уровня (*stage-level predicates*) [Carlson 1977; Schultze-Berndt, Himmelmann 2004: 63-64], см., в частности, об альтернациях их падежной маркировки в русских малых клаузах в [Zimmerling 2021: 546-554].

Наиболее удобной морфологической формой депиктива являются причастия благодаря их способности к обозначению временного признака [ГСБКЕ 1983: 138]. В функции депиктива они употребляются и в русском языке [Сай 2016: 374-375], как в примере (1), но особенно в болгарском, где их активность связана, прежде всего, с утратой деепричастий совершенного вида и суженой сферой употребления деепричастий несовершенного вида. В отсутствие данных форм именно причастные формы (страдательные, как *уморен*, *прегърен*, *ядосан*, или действительные, как *пребледнял*, *настръхнал*, *отмаял*), стали основным морфологическим типом депиктивных компонентов, ср. примеры (1) и (2) из параллельного русско-болгарского подкорпуса НКРЯ (<https://ruscorpora.ru/>):

(1) *Через час он вышел усталый, побледневший, поправил нависшую на лоб прядь волос, опустился в кресло и полузакрыл глаза. – След един час излезе оттам уморен, пребледнял, оправи надвисналия над челото си кичур коса, отпусна се в креслото и затвори очи.* [Александр Беляев. Властелин мира (1940) | Александр Беляев. Владетелят на света (Асен Траянов, 1988)]

(2) *Мама сидела на кровати, сгорбившись, придерживая на груди белую ночную сорочку... – Майка му седеше на леглото прегърбена, придържайки нощницаата на гърдите си* [Анатолий Рыбаков. Дети Арбата (1966-1983) | Анатолий Рыбаков. Децата на Арбат (Здравка Петрова, 1988)]

Причастные и адъективные субъектные депиктивы в болгарском языке согласуются в роде и числе с подлежащим главной клаузы: *Той се върна уморен*. ‘Он вернулся уставший’. *Тя се върна уморена*. ‘Она вернулась уставшая’. *To*

[детето] се върна уморено. ‘Оно [ребенок, ср.р.] вернулось уставшее’. *Te сe върнаха уморени*. ‘Они вернулись уставшие’.

Имеющаяся в русском языке альтернация двух стратегий падежного кодирования депиктивов (согласование по падежу с контролером или маркирование творительным падежом, ср. *Они вернулись уставшиe/уставшиimi*) не находит формального выражения в болгарском языке, утратившем падежное изменение большинства именных частей речи.

В русском языке в позиции депиктива, в том числе субъектного, используются только полные формы прилагательных и причастий. В болгарском языке отсутствует противопоставление полной и краткой форм, и в качестве единственной формы (во всех синтаксических позициях) используется генетически «краткая» форма согласуемых атрибутов.

Характерной особенностью болгарских депиктивов, отличающей их от согласованных атрибутов имени, является регулярное отсутствие у них артикльевой формы. Так, в (3) определенный артикль *-та* получает только существительное *майката*, не образующее единую составляющую с депиктивами *уморена* и *тъжна*, в то время как в обычной именной группе артикль, в соответствии с правилами болгарского языка, должен ставиться у первого компонента группы: ...*каза уморената майка* ‘...сказала уставшая мать’.

(3) *Ta кой е мигал, сине! – каза уморена и тъжна майката* (Г. Караславов) ‘Никто и глаз не сомкнул, сынок! – сказала устало и грустно мать’.

2. Выборка из русско-болгарского параллельного корпуса (200 употреблений субъектных депиктивов в болгарских текстах) подтвердила большую, чем в русском языке, активность болгарских причастий (прежде всего прошедшего времени) в позиции субъектного депиктива: как показал материал, аналогичная русская конструкция с депиктивным причастием, как в примере (1) выше, встретилась лишь в пяти процентах случаев. Основными функциональными эквивалентами болгарских причастных субъектных депиктивов оказываются русские деепричастия, см. пример (2) выше и (4), и авербии со значением состояния [Кустова 2004: 322-324], а именно наречия (5) и предложно-падежные формы (6):

(4) *Кълбото все повече се оплиташе и объркваше, той го захвърли ядосан.* – Клубок все больше запутывался, и Урумов, *разозлившиcь*, бросил его. [Павел Вежинов. Нощем с белите коне (1975) | Павел Вежинов. Ночью на белых конях (Л. Лихачева, 1978)]

(5) *Кристо, ти ли си?* — запита той *изненадан*. — *Кристо, ты?* — спросил он *изумленно*. [Павел Вежинов. Нощем с белите коне (1975) | Павел Вежинов. Ночью на белых конях (Л. Лихачева, 1978)]

(6) *Aх... это вы?..* – сказал Раскольников *в чрезвычайном удивлении* и вдруг сам смущился. – *Aх... това сте вие!...* – каза Раскольников *извънредно изненадан* и изведнъж се смущи и той. [Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866) | Фьодор Достоевски. Престъпление и наказание (Георги Константинов, 1960)]

Разнообразие русских предложно-падежных форм адвербиалов со значением эмоционального и интеллектуального состояния (*в задумчивости, в нерешительности, в страхе, с ужасом, с отвращением*) компенсируется в болгарском языке, где такие формы малоактивны, именно причастными депиктивами, как это иллюстрирует пример (6).

В качестве менее частотных переводческих параллелей отмечаются атрибутивные употребления причастных и адъективных форм, стяжение опорного предиката и причастного депиктива в единую лексему со значением возникновения эмоционального состояния (*отговорих изумен – изумился, погледна (го) изненадан – поразился*) и некоторые другие. В докладе будут рассмотрены синтаксические и семантические условия выбора той или иной русской конструкции в качестве эквивалента болгарских субъектных депиктивов.

3. Отдельной задачей данного исследования является установление возможных конфигураций аспектуальных (семантических) классов основного и вторичного предиката и их влияния на интерпретацию депиктивной конструкции.

Субъектный компонент не имеет ограничений на одушевленность и агентивность, но при неодушевленном субъекте основной предикат ограничен глаголами проявления признака, способа существования, положения: *Клоните им стърчаха замръзнали над леда*, букв. ‘Их ветки торчали замерзшие над льдом’. В отличие от этой семантической конфигурации, прототипическая депиктивная конструкция, как, например, в (1)-(6), сообщает о действии агентивного субъекта, находящегося в том или ином состоянии, и допускает относительно широкий набор тематических классов основного предиката (в большинстве случаев относящихся к глаголам контролируемого действия) в комбинации с причастием от глаголов неконтролируемых действий или состояний. Такая конфигурация обеспечивает наибольшую контекстуальную независимость реализации основного значения депиктивной конструкции, а также задает нужную интерпретацию предикатов, нечетко или слабо охарактеризованных по тому или иному семантическому признаку. Так, депиктивное употребление причастия *прегърбен* в предложении *върви прегърбен* ‘идет согнувшись’ нейтрализует признак «контролируемость», ср. с амбивалентностью этого признака у исходного глагола *прегърбя се* ‘согнуться’.

В то же время в конструкциях, где и основной предикат является глаголом неконтролируемого действия, и причастная форма – образованием от глагола неконтролируемого действия, депиктив выражает не «фоновое» сопутствующее состояние, как в прототипической модели, а причину (стимул) основной ситуации: *плачеше отчаяна* ‘плакала от отчаяния / отчаявшись’. Однако для большинства матричных предикатов неконтролируемого действия даже такую конструкцию с депиктивом образовать нельзя.

4. В целом асимметрия, которая выявляется при сопоставлении депиктивных причастий в болгарском и русском языках, отражает разные возможности конструкций вторичной предикатии в системе этих языков в целом (включая конструкции с иными морфологическими типами депиктивов,

с субъектной и объектной ориентацией, разными типами контролеров, а также прочие модели вторичной предикации). Экспансия болгарских конструкций со вторично приписываемым признаком в виде причастных форм обусловлена утратой в болгарском языке некоторых способов выражения вторичной предикации (прежде всего деепричастий совершенного вида) или их грамматической и функциональной ограниченностью, как у деепричастий несовершенного вида, действительных причастий настоящего времени, а также у предложных сочетаний с названиями эмоций и ментальных состояний, которые лишь спорадически привлекаются в болгарском для выражения актуального состояния субъекта, – в отличие от русского языка.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00222 (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина).

Библиографический список

1. ГСБКЕ – Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София, 1983.
2. Коева С. Малки изречения // Съвременни лингвистични теории. Помагало по синтаксис. Пловдив, 2001. С. 61–67.
3. Кузнецова Ю. Л., Рахилина Е. В. Депиктивы оказались удивительными // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2014/2. С. 180–218.
4. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
5. Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2022. № 6. С. 58–74.
6. Невская И.А. Результативные второстепенные предикаты в тюркских языках // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 84–94.
7. Невская И.А. Конструкции с депиктивными второстепенными предикатами со своим собственным грамматическим субъектом в сибирских тюркских языках // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 327–344.
8. Сай С.С. Причастие // В.А. Плунгян (отв. ред.). Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. I. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 341–388.
9. Carlson G. Reference to Kinds in English. Ph.D. Dissertation. Amherst, 1977.
10. Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E.F. (ed.) Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives. Oxford. 2005.
11. Schultze-Berndt E., Himmelmann N.P. Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective // Linguistic Typology. 2004. 8. Pp. 59–131.
12. van der Auwera J., Malchukov A. A semantic map for depictive adjectival // Himmelmann N. P., Schultze-Bernd E. (eds.). Secondary predication and adverbial modification. Oxford: Oxford University Press, 2005. Pp. 393–421.

13. Zimmerling A. Primary and secondary predication in Russian and the SLP: ILP distinction revisited // Russian Grammar: System – Usus – Variation/ Русская грамматика – система – узус – вариевование (= Linguistica Philologica 1), Peter Lang Verlag, Berlin et al. 2021. Pp. 543–560.

CONSTRUCTIONS WITH SUBJECT-ORIENTED DEPICTIVES IN BULGARIAN: SEMANTIC CONFIGURATION AND RUSSIAN PARALLELS

Abstract: *The paper discusses Bulgarian constructions with subject-oriented depictives expressed by participial forms as well as their Russian parallels. It describes the distinctive features of subjective depictives and outlines their peculiarities in Bulgarian, where participles constitute the most active morphological type of depictives. Based on a sample from the parallel subcorpus of the Russian National Corpus, a range of constructions of the Russian language with the meaning of stage-level state is presented, which act as functional correspondences of Bulgarian participial depictives. The paper also establishes possible semantic configurations for the actional classes of the primary and secondary predicates.*

Keywords: *secondary predication, depictive, small clauses, actional classes*

E.Yu. Ivanova, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg)